

Анатолий Корчинский
(РГГУ)

Призрак историзма

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_127

Anatoly Korchinsky
(Russian State University for the Humanities)
Specter of Historicism

Если тенденции мысли, представленной в этой книге, попытаться свести к некоторой условной формуле, то я бы предложил такую: «историзм будущего». При этом, думаю, многие из авторов тома вряд ли одобрили бы такое определение.

Во-первых, «историзм» ассоциируется у них прежде всего с установками и принципами соответствующей современной науки, предмет которой в подавляющем большинстве случаев и в классическую эпоху ее расцвета (XIX век), и сегодня связывается с прошлым, а не с будущим. При этом часть собранных в этом издании теоретиков либо уповает на кардинальную пересборку исторической теории и историографической практики (Итан Клейнберг, Ахим Ландвер, Эва Доманска), либо считает историческую науку не единственной и вовсе не привилегированной частью современной «исторической культуры» (Золтан Болдижар Симон и Марек Тамм, Антонис Лиакос), либо же делает ставку на способы мысли и действия, альтернативные научной истории, по крайней мере в ее современном обличье («практические» подходы к прошлому и будущему у Жерома Баше и редактора книги и автора предисловия Андрея Олейникова, «хонтология» Фишера и поппиалистская реабилитация ностальгии у Лины Книжник).

Во-вторых, если понятие историзма связывать не только с историографией, но и с философией истории, а также с разного рода политическими, художественными или повседневно-мифологическими дискурсами, в том числе утопического, эсхатологического и т.п. плана¹⁸, то и здесь видно, насколько сегодняшние размышления об исторической темпоральности стремятся отстроиться от историзма современного с его тягой к метафизической тотальности, к «большим нарративам», к поиску и полаганию «смысла в истории»¹⁹, моделированию исторического времени как линейно-поступательного, телеологического, пронизанного строгим детерминизмом и духом исторической необходимости.

Однако и история философии, и собственно история именно как дискурсы модерна тесно взаимодействуют с категорией будущего. Именно «темпоральный поворот» как общая рамка приведенных исследований заставляет каждый из этих дискурсов вспомнить свои основания.

Кажется, наши авторы вполне солидарны с Артуром Данто в том, что повествование о прошлом (если мы редуцируем к этому дискурсу истории) струк-

18 Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 8.

19 Лёвум К. Смысл в истории. СПб.: Владимир Даль, 2021.

турно зависит от конструкции будущего, которой мы оперируем. Репрезентация прошлого видоизменяется в зависимости от этого будущего, нестабильного как в представлениях о нем, так и в действительности. Поэтому «историзм будущего» имплицитно присутствовал, разумеется, и в самых строгих версиях современной историографии. А значит, авторы сборника, преимущественно считающие современный историзм глубоко устаревшим, давно преодоленным (но зачем тогда то и дело бороться с призраками прогрессизма и прочей метафизикой истории?) и преодолевающие уже не его, а постмодерновый «презентизм», должны признать, что их сегодняшние концептуальные новации находятся с этим классическим историзмом в глубинной взаимосвязи. Не будем упрекать их за то, что в констатации последовательной смены самих «режимов историчности» проступает все та же линейная истористская темпоральность. Главное в другом: при всем культе контингентности, множественности и разнообразия сценариев истории, вполне в духе классического историзма они обнаруживают глубинную консистентность самого новейшего исторического воображения, полагающего прошлое, настоящее и будущее в неразрывном единстве.

То же самое касается историзма в философии истории, который подразумевает легитимность истинностных суждений не только о прошлом, но и о будущем. Как бы мы ни относились к знаменитой трактовке современного «режима историчности» Франсуа Артога, характеризующей его через доминанту будущего времени (а авторы сборника охотно и справедливо критикуют этот подход с позиций мультитемпоральности), трудно не заметить, что именно современный историзм впервые постулирует саму возможность человека мыслить себя в потоке истории в качестве агентного и ответственного субъекта, осознающего или, по крайней мере, ощущающего себя в своем времени как в историческом настоящем и действующего в перспективе исторического будущего.

Иначе говоря, сегодняшний бум исследований исторической темпоральности, в том числе обращенных к будущему и в историографической, и в философско-исторической, и во многих других («практических») перспективах, хочет он того или нет, одержанно возвращается к проблемам, которые стояли и как-то разрешались в самом начале современной эпохи — при зарождении тех дискурсов, которые сегодня подвергаются деконструкции. Поэтому, возможно, к этому наследию стоит присмотреться внимательнее, чтобы, по выражению одной из авторок сборника, ненароком не выплеснуть вместе с водой ребенка. Впрочем, думаю, если речь идет о не всегда зримом явлении призрака — призрака историзма, — то избавиться от него, даже при большом желании, не так уж и легко (а при нижеследующих оговорках — не так уж и целесообразно).

Один из лейтмотивов книги, встречающийся почти у всех авторов, — это попытка в категорию исторической реальности так или иначе включить категорию исторического возможного. Кажется, это устремление наиболее разительно отличает новую, рождающуюся сегодня историчность от современной (позитивной) и постмодерновой (негативной) заикливости на том, что было, есть или будет «на самом деле» — реальном как актуальном, налично данном, фактическом. Это как нельзя лучше перекликается с критикой «корреляционизма», спекулятивным и — одновременно — объектным и материальным поворотами в философии, новой имажинативностью и прочими видами бунта против эмпиризма, позитивизма и наивного исторического реализма. История не сводится теперь ни к одержимости фактами, ни к нарративно-дискурсивной упо-

рядоченности, ни к стандартизованным формам социального или экзистенциального «опыта» и «ожиданий». Не только настоящее и будущее оказываются заряжены исторической потенциальностью, но и прошлое. При этом оно не просто содержит в себе незавершенные проекты, неосуществленные или неосуществимые утопии, но по самой своей структуре является отброшенной назад потенцией того, что свершилось и произошло, а следовательно, могло (и может) свершиться и произойти.

Все это действительно чрезвычайно важно, так как, во-первых, значительно расширяет и эпистемологический, и онтологический горизонты истории как науки, как пространства философского эксперимента и как практики — политической, социальной, этической и т.д. Однако и эта перспектива возвращает нас к истокам современного историзма. Уже у романтиков и Гегеля была идея множественности исторических возможностей. Герцен выводил из этого наследия не только «алгебру революции», еще отдающую метафизической номотетикой и телеологией, но и специфическую категорию «случая», несводимую ни к необходимости, ни к случайности, а также — коренящиеся в прошлом подавленные и забытые исторически возможности. Маркс — задолго до Блоха, Беньямина и Козеллека — размышлял о разных режимах исторической темпоральности и одновременности неодновременного как ресурсе изменений. Чернышевский, Ницше, Бергсон, Пегги и др. на разные лады говорили о значимости факторов контингентности и потенциальности в истории. Словом, модерну были хорошо известны все идеи нынешнего поворота. Безусловно, они вытеснялись с основной интеллектуальной сцены, где господствовал исторический реализм актуального. Но в своей альтернативности они были частью современного историзма. И сегодня, возможно, важнее не выявить то, как деятели модернистского подполья предопределили нынешние теоретические манифестации, скрыв этот анахронизм за метафизикой исторической справедливости, а историзировать этот анахронизм в духе — все-таки — современной мультитемпоральности и попполилизма.

При этом, оценивая по достоинству ресурсы прошлого, мне кажется, мы должны понимать, что именно сегодня мы можем внести важные уточнения в понимание исторической потенциальности. С одной стороны, опираясь на Ж. Делёза, можно достаточно строго отделить историческую возможность от метафизической потенциальности, которая может быть, потому что должна быть в соответствии с некоторой идеей или замыслом. Возможное — это не идеальное, предназначенное к реализации, это реальное, пребывающее в модусе виртуального²⁰. Также возможное не является порождением желания как острого переживания отсутствия и нехватки желаемого объекта²¹, поскольку в противном случае отрицалась бы реальность этой возможности и историческая агентность свелась бы к субъективному волюнтаризму. С другой стороны, например, Дж. Агамбен сегодня показывает нам, что реальность возможного мы должны измерять не его вероятностным статусом, не степенью близости к актуализации, а исследовать «способность не-быть», т.е. возможность как

20 Lundy C. History and Becoming. Deleuze's Philosophy of Creativity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. P. 9.

21 Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза / Пер. и посл. Я.И. Свицкого. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 233–237.

таковую²² (в книге есть близкая мысль, касающаяся утопии, которая двигает историю именно не сбываясь, но, думается, эту идею можно утвердить в качестве универсального свойства исторической возможности). При этом нужно учитывать и то, что именно в своей чистой потенциальности категория возможного в современной (в первую очередь капиталистической) культуре нередко превращается в инструмент господства, как купля-продажа «рабочей силы», представляющей собой, по П. Вирно, инструментализацию потенциального, ведущую к его утрате²³. Само же по себе продуцирование «безграничных возможностей» является одним из тупиков капиталистического реализма.

В книге об историческом будущем, особенно с учетом сказанного о выдвигании на первый план категории возможного/виртуального, казалось бы, закономерно заходит речь не об историческом сознании или опыте, а об историческом воображении. При этом в обращении с этим концептом интересны две вещи.

Во-первых, вполне в духе современных теорий социальной имажинации (К. Касториadis, Ч. Тейлор) под воображаемым понимается не простое представление чего-то, что было или будет *in absentia*, или же фантазия о желаемом. Скорее воображение мыслится как конститутивный элемент самой исторической реальности, а потому в нем актуальное сложно сплетается с возможным (виртуальным), коллективное — с индивидуальным, старое и инертное — с новым и творческим. Многие авторы сборника (И. Клейнберг, Э. Доманска, М. Фишер, Л. Книжник) одновременно указывают на истощенность сегодняшнего исторического воображения и пытаются предложить альтернативные варианты. Другие (З.Б. Симон и М. Тамм, Ж. Баше, Й. Ландвер, А. Лиакос) намечают тенденции становления новых форм исторической имажинации, вырастающих из современных практик работы со временем в техноэкономической сфере, незападных культурах или домодерной европейской традиции. Однако все эти предложения касаются исключительно творческих задач теоретического воображения самих интеллектуалов. Авторы не дают описания или реконструкции того, как меняются или могли бы меняться взгляды на историю, свойственные коллективам и группам, хотя, казалось бы, речь идет о сотворении «будущих» как практическом измерении исторической культуры. Возможно, авторы вновь по умолчанию полагаются на моральный и политический порядок современного воображения, предполагающий готовность масс принимать на вооружение различные «теории», планы исторических преобразований общества как «естественную» мотивацию в рамках повседневной практики²⁴. Равным образом современным следует признать сам императив, вынуждающий нас к изменениям, к активному производству будущего даже притом, что само это будущее толкуется исключительно как возможное и контингентное, а не должное и необходимое. Повторим, что современный генезис исповедуемых авторами установок мне вовсе не представляется недостатком. Скорее вызывает вопросы неотрефлексированность этого генезиса и известная нормативность подхода в целом.

22 Агамбен Дж. Грядущее сообщество / Пер. с ит. Д. Новикова. М.: Три квадрата, 2008. С. 38.

23 Virno P. *Déjà Vu and the End of History*. London; New York: Verso, 2015.

24 Тейлор Ч. Секулярный век / Пер. А. Васильева, Л. Колкера, А. Лукьянова; науч. ред. А. Бодрова. М.: ББИ, 2017. С. 226.

Вторая черта предлагаемого исследования футурологического воображения связана с самим пониманием природы этой — одновременно ментальной и социальной — инстанции. Несмотря на то что речь идет о воображении как о своего рода портале, открывающем доступ к историческому возможному или — лучше — виртуальному, то есть к тому измерению реального, которое захватывает нас и наш мир целиком, во многих работах (И. Клейнберга, Й. Ландвера, Э. Доманской, Л. Книжник) воображение выглядит более или менее как пространство умозрительных представлений, пусть и имеющих образно-метафорическую (то есть скорее даже дискурсивную) форму, но никак не связанную с телесно-материальными и чувственными переживаниями, с инфраструктурой социальной жизни и действия, с медиальными форматами бытования воображаемых феноменов и т.д. Отчасти это присутствует в статье З.Б. Симона и М. Тамма, учитывающих технические и институциональные аспекты формирования «будущих», практическом опыте сапатистского «восстания истории» у Ж. Баше и формирующей силы медиумов у М. Фишера. Однако как именно описываемые практики могут послужить распространению и коллективному освоению новых моделей исторического будущего в нашем обществе, каким образом они могут быть инсталлированы в наш повседневный опыт, авторы оставляют за кадром.

Полагаю, подобные смысловые лакуны объясняются не качеством выбранных текстов и не ограниченностью подборки, которая представляется вполне концептуальной, а скорее новизной самого исследовательского поля, находящегося в интенсивном становлении. Будем надеяться, что дело дойдет и до масштабного изучения собственно исторических корней сегодняшней теоретической ситуации и оттачивания понятийного инструментария, который позволит составить более точное и комплексное представление о захватывающей всех нас исторической пересборке представлений об истории, меняющей саму историческую реальность.

Игорь Кобылин

(Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Случайность необходимости, или Посмертная жизнь современного историзма

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_131

Igor Kobylin

(European University at St. Petersburg)

Contingent Necessity, or the Afterlife of Modern Historicism

Эта книга, написанная преимущественно историками и теоретиками истории, посвящена осмыслению будущего (некоторую парадоксальность такого предприятия, во всяком случае, для привычного представления о том, чем зани-